

Выражаю искреннюю благодарность фонду Макаруров за финансирование проекта. Мариш Радионовой за активную творческую помощь на всех этапах исследования, Алексею Келянину за плодотворное обсуждение проблемных вопросов, Евгении Балабановой и Елене Жидковой за помощь с организацией полевого этапа в регионах. Марине Ильиной за осуществление сбора данных в Сыктывкаре, а также за помощь с публикацией настоящей книги. Кроме того, огромное спасибо всем женщинам, согласившимся принять участие в исследовании в качестве интервьюируемых

Предисловие

Оставление матерью своего новорожденного ребенка с передачей его под опеку государства, или «отказничество» - это острейшая социальная проблема, имеющая огромное значение как с научной точки зрения, так и с точки зрения общественных интересов.

Представляемая вниманию читателя книга основана на исследовании, посвященном изучению причин отказа от новорожденного в индивидуальной женской биографии, проводимого методом качественного интервьюирования матерей-отказниц в Москве, Нижнем Новгороде, Самаре и Самарской области, Сыктывкаре. Проводились также интервью с женщинами «контрольной» группы, то есть с теми, кто не отказывается от своих детей, находясь в сходных условиях. Всего проведено 32 интервью в Москве (18 отказниц, 14 не отказывающихся), 15 в Нижнем Новгороде (10 отказниц, 5 «контрольных»), 12 в Самаре и области (8 отказниц, 4 «контрольных») и 2 в Сыктывкаре (1 отказница и 1 не отказывающаяся).

Целью исследования было изучение совместного воздействия социального, культурного, и индивидуального в конкретных случаях «отказа от материнства», выяснение социально-экономического контекста жизни «отказниц», возможностей, открывающихся и «закрывающихся» перед ними в связи с материнством, а также культурного контекста, в котором они приходят к мысли об оставлении своего ребенка.

Кроме того, подразумевалось исследование репродуктивных установок современных российских женщин. При этом изначально автор основывался на следующих гипотезах:

А) Отношение женщин к материнству - это не сформированный с детства психобиологический конструктор. Оно находится под воздейст-

вием социальных обстоятельств жизни человека и может быть очень разным в различные периоды жизни одной и той же женщины:

Б) преобладающее в российском массовом сознании (и разделяемое большинством пишущих на эти темы исследователей) мнение, согласно которому отказ от новорожденного - это крайняя девиация материнского поведения, и «нормальная» женщина так никогда не поступит, не вполне справедливо. Нельзя недооценивать роли вне-личностных обстоятельств в ситуации материнского отказа, в особенности

в) экономического и социального кризиса, развернувшегося в России с особенной силой с начала 1990-х годов и до сих пор не вполне преодоленного. Бедность в традиционном экономическом смысле, а также бедность, «ненасыщенность» социальных связей, плохая социальная адаптированность являются основной причиной «отказничества» в большинстве случаев.

г) ослабление положительной репродуктивной установки в обществе в целом; нарастание негативного общественного отношения к деторождению.

Психологические особенности личности и характер социализации отказниц, безусловно, оказывают воздействие на их поведение в отношении материнства. Тем не менее это не дает основания для подтверждения стереотипного мнения об исключительно «девиантной», «ненормальной» природе «отказничества», так как многие женщины, имеющие сходные социально-психологические проблемы, не допускают и мысли об оставлении своих детей.

◆ *Статистика отказов за последнее десятилетие*

В начале и середине 1990-х годов количество случаев материнского отказа от новорожденных в России увеличивалось с каждым годом. Число детей, принятых в детские дома по причине родительского отказа, в Москве выросло в 2.1 раза за 1988-1994 годы (Брутман, Варга, Радионова, 1994). Рождаемость за это время уменьшилась в 1.5 раза. В течение 1991 г. в московских роддомах происходило от одного до трех случаев отказа от новорожденного каждый день. За 1992 г. в Московском родильном доме при больнице № 2 на Соколиной Горе, где в то время было больше всего отказниц, 113 младенцев были официально переданы их матерями под опеку государства; в 1994 г. таких детей было уже 156, в 1995-214.

К концу 90-х - началу 2000-х годов положение стало несколько более стабильным: полученные в ходе настоящего исследования стати-

стические данные свидетельствуют скорее о колебаниях относительно одного и того же процентного соотношения, чем об увеличении количества случаев отказа от новорожденных от года к году. В Московском роддоме при 36-й городской больнице, где мы проводили свои интервью в июне-декабре 2001 г., поскольку именно туда в настоящее время направляются социально наиболее неблагополучных рожениц, и где, соответственно, наибольший процент отказниц, в 1999 г. родилось 2943 живых детей, из которых 404 (13.73%) оказались отказными. В

2000 г. в этом же роддоме появилось на свет 2910 младенцев, из которых 345 (11.86%) отказных; в течение первых 9-ти месяцев 2001 г. родилось 1974 ребенка, из них 249 (12.61 %) были покинуты своими матерями.

Для сравнения, в Сыктывкаре, по данным республиканского перинатального центра, куда попадают отказные дети Республики Коми, в 2001 г. было 59 оставленных детей (в том числе и подкидышей, и брошенных без документального оформления отказа, и тех, кого потом все же забрали родители или опекуны из родственников), из них отказ был оформлен на 32 ребенка.

В течение последних 6-ти лет наблюдается постоянный рост числа питомцев детских домов: в 1996 г. их было 18500. в 1998 - 19300. Согласно данным за 1998 г., ежегодный прирост числа детей, остающихся без родительского попечения в России в целом, составляет около 105000. При этом постоянно увеличивается число детей, чьи родители были лишены родительских прав. 21 % детдомовцев это отказные дети, из них 10% рождены несовершеннолетними матерями. 35—40% оказались в детдоме из-за алкоголизма родителей; 2-3.5 % - из-за родительской наркомании, частоотягощенной СПИДом. 15 % питомцев детских домов оказались не нужны своим родителям из-за врожденных дефектов (Павлова, 2001). Увеличивается процент детей первых месяцев жизни, находящихся в домах ребенка: в 1996 г. их было 24 %, в 1998 - 32 % (Ветров, 2000). Как бы то ни было, распространенность отказничества (около 20000 случаев в год по России в целом) несопоставима с распространенностью абортов (около 20597000 в 1999 г., причем в 1990 г. их было в два раза больше) (Вишневский, 2001).

◆ *Общий обзор теоретических подходов к феномену отказа от новорожденного*

Феномен отказа от новорожденного в настоящем исследовании рассматривается как один из вариантов репродуктивного поведения женщин, связанного с решением проблемы нежеланного материнства,

в связи с остальными вариантами решения этой проблемы, такими, как аборт и использование контрацепции. Отказ можно рассматривать с точки зрения следующих теоретико-методологических подходов.

В советской и постсоветской литературе, посвященной феномену «отказа от материнства», как правило, подчеркивается индивидуальная «вина», или индивидуальные психологические «проблемы» самой матери-отказницы (Бругман, Панкратова, Радионова. Черников, Енико-лопов, 1994; Бругман, Радионова, Ениколопов. 1995; Бругман, Исупова, Ралионова, Варга, 1996; Бругман, Радионова, 1997; Бругман. Хами-това. Сидорова, Варга, 1999), хотя есть и исключения (Радионова 1997). Это связано с тем, что принятые в недавнем прошлом в нашей стране теории в основном рассматривали материнство как естественный, всеобщий, социально необусловленный феномен. Оно считалось основой половой идентичности любой «нормальной» женщины. При этом подразумевалось, что проблема нежеланной беременности должна решаться с помощью аборта.

В то же время на Западе, где в последние десятилетия прокатились настоящие идеологические войны между сторонниками (см., например, Petchesky, 1986) и противниками аборт (см., например, Neapey, 1992), соответствующее поведение (решение отдать ребенка на усыновление другим людям) до сих пор не рассматривается в отрыве от моральных проблем, связанных с аборт. Если судить по литературе, аборт все еще гораздо более проблематичен для молодых западных женщин, чем для их российских сверстниц (ср., например, в Murcotte & Feltham, 1996 и в Burghes & Brown, 1995).

В современной феминистской литературе отдача ребенка на усыновление иногда рассматривается как право матери (Field & Marck, 1994), поскольку материнство - это очень сложное и неоднозначное явление для гендерной теории, утверждающей, в своих ранних вариантах, что оно слишком много отнимает у женщины как личности и слишком мало ей дает (см., например. Rich, 1976), а потому женщина имеет право решать, может ли она найти место для ребенка в своей жизни, сохранив в ней определенное пространство и для своей личности. Развитие и сохранение женщины как личности - это направление, которое феминистская и тендерная теории признают приоритетным для всякой женщины, в то время как все остальное, в том числе рождение и воспитание детей, должно носить подчиненный характер.

С точки зрения современных социобиологических теорий, оставление детей, передача их в распоряжение кого-то другого, в данном случае государства, рассматривается в ряду различных форм «избирательного детоубийства» или, мягче, избавления от нежеланных, «лиш-

них» детей. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что такое поведение свойственно как человеку, так и животным, и корни его. соответственно, не надо искать в социальной реальности - они находятся в области биологии. Хрды (Hrdy, 1994), например, показывает, насколько разным может быть родительское поведение в разные периоды жизни одного и того же человека, под воздействием различных условий внешней среды, и насколько разными и в то же время в основе сходными были формы избавления от нежеланного потомства на протяжении истории человечества. Например, избавление от младенцев в племенах, живущих первобытнообщинным строем, обычно происходит в периоды голода, когда выживание этих младенцев маловероятно в любом случае, в то время как сохранение жизни взрослых, которые смогут иметь детей в будущем, в более благоприятных обстоятельствах, возможно лишь на основе соответствующего поведения.

С развитием цивилизации причины для избавления от детей становятся более разнообразными, теперь «неблагоприятные обстоятельства» имеют не только чисто биологическую, но и социальную природу, что, однако, не делает их менее серьезными для индивида. В то же время принятые в обществе нормативные формы избавления от нежеланных детей постепенно смягчаются. Все реже встречается и все сильнее осуждается прямое детоубийство, чаще дети подкидываются, отдаются кормилицам, у которых их потом забывают забрать, или непосредственно на усыновление, в приюты, вплоть до просто небрежного отношения к заботе о них, хотя и живущих с родителями. Таким образом, для социобиологического подхода характерно представление о различных формах родительского поведения как о некоем континууме, а не как о норме и девиации, а также демонстрация того, что избавление от младенцев в определенных обстоятельствах индивидуальной жизни - это всеобщее и неискоренимое явление.

Для теории западной социальной политики (см., например, Howe, 1998, Mander, 1995) характерна точка зрения, согласно которой наилучшей формой разрешения ситуации неприемлемого биологического материнства является отдача ребенка на усыновление, или материнство социальное. Это наиболее гуманно по отношению к детям, и в самом деле, вероятно, является оптимальным решением в большинстве случаев, но подчас, и нередко, приводит к большим психологическим проблемам для отказавшейся матери, начинающей впоследствии горевать об оставленном ребенке, искать его, нуждаться в нем. Поэтому социальная политика на Западе видит помощь такой матери в ее горе как еще одну из своих задач. Вводится практика «открытого усыновления», когда биологические родители продолжают иметь доступ к

усыновленному ребенку, несмотря на свой отказ, он (она) знает об их существовании и даже общается с ними. В России же пока усыновление является тайной, разглашение которой преследуется законом.

Все описанные подходы до некоторой степени формируют исследовательскую позицию автора: право матери на свое личностное пространство существует: оставление детей в неблагоприятных обстоятельствах неизбежно, и сложно винить людей за него, лучше попытаться повлиять на обстоятельства, создать приемлемые условия для выживания матери вместе с ребенком - это значительно уменьшает количество отказов, как показывает опыт западных стран.

С методологической точки зрения, феминистский подход, в качестве одной из социологических перспектив, воспринимающих исследовательский процесс как взаимодействие живого исследователя, имеющего право на свою интерпретацию, свое видение, с живым исследуемым феноменом, имеющим право не быть препарированным путем традиционного позитивистского анализа (Stanley, 1985), и авто/биографическая перспектива («истории жизни», как когерентные повествования, в самой форме, непрерывности текста которых содержится важная, неотъемлемая часть их содержания (Plummer, 1983)), лежат в основе представлений автора о специфике исследовательского процесса в области социальной реальности.

◆ *Методология исследования*

Наши интервью были биографическими, сфокусированными на истории последней беременности и решении отказаться от ребенка (последнее - только для отказниц). Рассматривалась также история формирования респондентки - в какой семье, в каком окружении она росла, хотела ли детей в детстве, планировала ли карьеру и т.д. Подразумевались и вопросы, связанные с выяснением репродуктивных установок респонденток - об их отношении к сексу, беременности, родам, маленьким детям, многодетности, добровольной бездетности, одинокому материнству, о том, хотят ли они вообще детей, и если да, то сколько, имеет ли значение их пол, о том, насколько для респонденток важны социально-экономические условия, в которых они хотели бы растить своих детей, а также вопросы об отношении к контрацепции и абортam и об отношении к детям в современном обществе.

Мы старались сделать нашу выборочную совокупность как можно более разнообразной в отношении возраста, семейного положения, миграционного статуса (включены как мигранты, так и женщины, всю жизнь проживающие в одном и том же городе), социально-

экономической ситуации, а также особенностей стиля жизни (например, наличия зависимости от алкоголя и наркотиков), предполагая, что отказ от новорожденного более вероятен у молодых, исключенных из социальных связей, и бедных матерей.

Вследствие различий в специфике проведения полевого этапа, а именно получения доступа в поле в Самаре и Нижнем Новгороде, реальная практика проведения интервью в этих городах заметно отличалась. В Самаре работа проходила на территории нескольких родильных домов с отказницами в тот самый момент, когда они принимали решение отказаться от своего ребенка перед выпиской из роддома. В Нижнем Новгороде интервью происходили на дому у респонденток, после "того как интервьюеру удалось получить адреса недавних отказниц через один из городских родильных домов.

В целом, доступ к отказницам в провинциальных городах оказался намного сложнее, чем в Москве. Причины этого, однако, заметно различались в разных городах, в конечном итоге включенных в исследование.

В Сыктывкаре, в общем-то небольшом городе, доступ во все родильные дома и ко всем медицинским чиновникам, имеющим отношение к проблеме отказничества, был получен довольно легко. Все эти чиновники утверждали, что они были бы счастливы помочь в проведении такого проекта. С другой стороны, многие из них понимали свое участие в исследовании, и исследование как таковое, скорее как социальную работу, или как еще один предлог для вмешательства в ту или иную ситуацию материнского отказа: работники Дома младенца, в который все отказные дети в конце концов попадают, старались с помощью исследователя убедить матерей забрать своих детей домой любой ценой, в то время как врачи в больницах, лучше зная ситуацию с материнской стороны, считали, что во многих случаях детям будет лучше под опекой государства.

Вся эта «добрая воля» чиновников в результате не помогла, поскольку в Сыктывкаре произошло крайне мало случаев реального отказа от детей за отведенное для исследования время. Несколько раз информация о наличии отказниц в роддоме поступала к интервьюеру слишком поздно, в то время как отказница уже исчезала из больницы, даже не подписав официальные документы об отказе, как очень многие из них предпочитают делать, поскольку это легче психологически. Интервьюеру удалось поговорить только с тремя женщинами, несмотря на словесное заверение в помощи со стороны всех городских чиновников, имеющих отношение к проблеме.

Нижний Новгород оказался очень «закрытым» городом, возможно, вследствие своего специфического советского прошлого (этот город был закрыт для посещений иностранных граждан). Все чиновники, имеющие отношение к делу, были очень труднодоступны и в начале отказывались помочь. В Самаре нам достаточно легко удалось попасть в 5 родильных домов и получить разрешение там работать. Затем нам все же удалось получить в одном из нижегородских роддомов адреса 10-ти матерей, отказавшихся от новорожденных детей в течение предшествующих этому моменту двух месяцев. Эти женщины были проинтервьюированы по месту жительства. Женщины для контрольной группы были затем набраны через женские консультации по заданным критериям (одинокие или многодетные матери с низким доходом).

Несколько слов о методологии обработки данных и концепции написания данной книги: вначале тексты всех интервью были записаны на аудиокассеты и затем транскрибированы в Word. После этого они были подвергнуты анализу с помощью специальной программы для анализа текстовых данных ATLAS. При этом автор исходил из допущения, что одно и то же место в интервью может иметь несколько значений, соответственно, ему может быть присвоено несколько кодов. В результате было принято решение о допустимости и даже необходимости неоднократного использования некоторых цитат в нескольких главах данной книги. По глубочайшему убеждению автора, это совершенно правомерно, исходя из того, что в различных контекстах одни и те же слова имеют различное значение. Более того, мы уверены, что в каждую из глав, где она помещена, та или иная цитата привносит необходимые и иначе не выразимые контекстуально зависимые оттенки смысла.